СИЛА СКАЗАННОГО

Как говорить, чтобы менять ситуацию

Книга 7 из 8

Я ЖИВУ НА ТРЁХ ЯЗЫКАХ

Hello

Bonjour

Hola

你好

Привет

こんにちは

Как находить свои слова между языками и культурами

ШОКУН АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Шокун Алексей

Я ЖИВУ НА ТРЁХ ЯЗЫКАХ.
Как находить свои слова между языками и культурами

«Автор»
2026

Алексей Ш.

Я ЖИВУ НА ТРЁХ ЯЗЫКАХ. Как находить свои слова между языками и культурами / Ш. Алексей — «Автор», 2026

На одном языке ты легко шутишь. На другом — работаешь. На третьем вдруг не можешь объяснить самую простую вещь о себе. Слов вроде бы достаточно, а нужной интонации, точности или смелости не хватает.Жизнь между языками — это не только словари и правила. Это разные роли, привычки, воспоминания и способы быть понятым. Дословный перевод может сохранить фразу и потерять её смысл.«Я живу на трёх языках» — наблюдения о том, что происходит со словами, когда мы переносим их между культурами. Здесь — ситуации из общения, вопросы точности и доверия, способы переспросить и уточнить намерение, а также упражнения, которые помогают лучше замечать собственные языковые привычки.Что меняется в тебе, когда ты переходишь на другой язык? И что остаётся неизменным?При подготовке книги использовались цифровые инструменты, в том числе на основе языковых моделей.

© Алексей Ш., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Три языка — не три полки 6
Глава 2. Почему дословный перевод — ложь 10
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Шокун Алексей
Я ЖИВУ НА ТРЁХ ЯЗЫКАХ. Как находить свои слова между языками и культурами

Серия «Сила Сказанного».
Книга 7 из 8.
Шокун Алексей Владимирович

Дисклеймер

Эта книга исследует повседневный опыт общения на нескольких языках: различия интонаций, контекстов, привычек и способов выразить мысль. Наблюдения и авторские интерпретации не следует считать универсальными научными выводами о многоязычии или особенностях носителей отдельных языков.

Языковая компетенция, культурные нормы и личное восприятие сильно различаются. Приведённые примеры не являются нормативными правилами перевода и не заменяют работу квалифицированного переводчика, особенно при подготовке медицинских, юридических, официальных или иных документов с существенными последствиями.

Высказывания о языках и ситуациях служат основой для размышления, а не оценкой достоинств людей, культур или языковых сообществ.

Глава 1. Три языка — не три полки

Разговор о деньгах ты ведёшь на одном языке, разговор о болезни — на другом, а объяснение с близким человеком — на третьем, и ни в одном из них не чувствуешь себя до конца собой. Это не редкий случай и не признак того, что с тобой что-то не так. Так устроена жизнь человека, который сменил школу, работу, страну или семью и обнаружил, что у каждого языка в его голове есть отдельная биография.

Я живу на трёх. Один пришёл в детстве, вместе с кухней, счётом до ста и первыми запретами; второй — вместе со школой, где нужно было отвечать быстро и не всегда правильно; третий — позже, вместе с работой и документами, где ошибка стоила дороже, чем стыд. Если бы меня спросили, какой из них мой, я бы не ответил одним словом, потому что все три мои и ни один не покрывает меня целиком.

Обычно человек объясняет эту разницу характером: «на одном языке я уверенный, на другом — как ребёнок». Или способностями: «к этому у меня слух, а к тому нет». Объяснение удобное, потому что снимает с тебя ответственность, и оно же дорого стоит: из него вырастает привычка считать себя наполовину состоявшимся в каждом из своих языков. Между тем причина в другом. Каждый язык закреплён за своей жизнью, и это можно увидеть, потрогать и перестроить.

Представь полку, на которой стоят три книги. Так языки описывают в школе: вот словарь одного, вот словарь другого, бери с полки нужный и говори. Модель удобная, и она же портит всё, потому что языки хранятся как маршруты. За каждым стоит набор ситуаций, в которых ты его освоил: за одним — очередь в магазине и дворовые ссоры, за другим — классная доска и экзамен, за третьим — телефонные звонки, бланки, объяснения с человеком в форме. Попадая в новую ситуацию, ты достаёшь тот маршрут, которым ходил, — и язык вообще тут ни при чём.

Полка кажется правдой по одной причине: её удобно измерять. Уровни, ступени, баллы, отметки за диктант — всё это раскладывается по ячейкам и создаёт ощущение, что язык есть имущество с объёмом. Но объём ничего не говорит о доступе. Человек может держать в голове большой запас слов и не суметь воспользоваться им в конкретной комнате с конкретным человеком, потому что доступ зависит от опыта похожих разговоров, и объём словаря тут мало что решает. И наоборот: скромный запас внутри протоптанного маршрута делает чудеса — сколько людей объясняются в чужом городе двумя десятками фраз и ни разу не попадают впросак.

Вот почему вопрос «сколько языков ты знаешь» так плохо устроен. Он предполагает ответ числом, а честный ответ — перечислением ситуаций. Я знаю язык переписки с учреждением и не знаю языка, на котором утешают человека в беде, хотя формально это один и тот же язык. Пока ты отвечаешь числом, ты обречён сравнивать себя с другими числами; как только ты отвечаешь ситуацией, сравнение теряет смысл и появляется задача.

Важная деталь: эту карту составлял не ты. Её составили обстоятельства — где ты жил, в какой школе оказался, на какую работу тебя взяли, с кем пришлось разговаривать каждый день. Ребёнок не выбирает, что о теле и боли будут говорить на одном языке, а о деньгах и документах на другом; взрослый не выбирает, что первый год на новом месте пройдёт в разговорах, где он понимает половину. Карта сложилась сама, а вопрос «почему я такой» предполагает, что ты её проектировал. Ты не проектировал. Ты в ней живёшь, и с этого места уже можно что-то менять.

Ещё одна вещь, которая сбивает с толку: в одной и той же беседе у тебя могут работать сразу два языка. Ты говоришь на одном, а внутри перебираешь другим, потому что именно там лежит нужное слово; или слышишь вопрос на одном, а отвечаешь заготовкой с другого. Со стороны это выглядит как запинка, а изнутри — как работа двух механизмов одновременно. Ничего патологического в этом нет, но цена есть: пока идёт внутренний перевод, ты не успеваешь следить за собеседником, и разговор начинает жить отдельно от тебя.

Есть ещё одна причина, по которой карта кажется приговором. Язык, пришедший в детстве, несёт на себе заряд, которого нет у остальных: на нём тебя хвалили и на нём тебя ругали, на нём ты впервые соврал и впервые испугался. Поэтому он включается сам, стоит внутри что-то дёрнуться, — и часто совсем не к месту. Взрослый человек, спокойно ведущий переговоры, слышит от близкого упрёк и отвечает голосом подростка, потому что разговор попал точно в ту зону, которую обслуживает детский язык. Со стороны это выглядит как неумение владеть собой, а на деле сработала карта: ситуация опознана как домашняя, и включился домашний маршрут со всеми его старыми настройками.

Отсюда три следствия, которые человек обычно принимает за личный дефект.

Первое: провал в одной ситуации читается как провал вообще. Ты запнулся в разговоре с врачом и решил, что плохо знаешь язык, хотя за час до этого уверенно обсуждал с коллегой сроки и ни разу не задумался о грамматике. За час язык не испортился — просто один маршрут протоптан, а другой нет.

Второе: язык, который ты достаёшь, часто не подходит ситуации. Ты приходишь объясняться по делу, а говоришь языком кухни, где всё строилось на интонации и полусловах, и оказывается, что интонация здесь бесполезна, а точных слов ты не помнишь. Или наоборот: приносишь на семейный ужин язык документов, и близкий человек слышит протокол вместо заботы.

Третье, самое дорогое: ты оцениваешь себя по чужой мерке. Мерка обычно экзаменационная — сколько слов, какая ступень, есть ли акцент. В реальной жизни никто не просит тебя сдать экзамен; просят, чтобы тебя поняли и чтобы после разговора стало ясно, что делать. Об этом мы будем говорить всю книгу, потому что в этом и состоит работа переводчика: передать смысл так, чтобы он дошёл.

Мой собственный счёт выглядит так. Язык, на котором я считаю и который первым слышу внутри головы, пришёл в семье и остался языком дома — тихим, бытовым, с уменьшительными словами и с той частью памяти, где нет документов. Язык школы и улицы пришёл в эмиграции, в северной зиме, в классе, где я понимал через слово и смеялся не там, где все; он стал языком внешнего мира и до сих пор включается сам, когда нужно быть быстрым. Третий пришёл позже, вместе с работой, где требовалась точность, и он до сих пор звучит во мне суше первых двух, зато на нём легче всего сказать то, за что потом не придётся извиняться.

Из этого не следует, что первый язык у меня для души, второй для дела, а третий для денег. Следует более полезное: у каждого есть зоны, где он силён, и зоны, где он немеет. Человек, который честно нарисовал эти зоны, перестаёт воевать с собой и начинает пользоваться тем, что у него есть.

Самая частая жалоба, которую я слышу от людей между языками, звучит так: «Я не могу объяснить важное». При этом человек прекрасно объясняет неважное — маршрут, заказ, погоду, — и из этого «могу и не могу» делает вывод о знании. Но важное требует другого: права говорить медленно, точности, разрешения переспросить. То есть всё решают условия, которых человек себе не создал, а объём словаря тут вторичен.

Условия — это скучное слово, и за ним стоит вполне конкретная вещь. В важном разговоре ты почти всегда спешишь: тебе кажется, что медленная речь выдаст твою слабость, что пауза будет принята за пустоту, что переспрос прозвучит как признание в невежестве. Поэтому ты говоришь быстрее, чем думаешь, глотаешь окончания, а потом, уже на улице, собираешь фразу за фразой и понимаешь, что сказал не то. Никакое знание языка не спасает от спешки, потому что спешка — это не языковая проблема, а привычка.

Со стороны носителя это выглядит иначе, чем изнутри. Человек, для которого язык родной с рождения, тоже собирает фразы, тоже иногда говорит не то и тоже выходит из кабинета с чувством, что забыл главное. Разница только в том, что он не приписывает эту заминку своей неполноценности: он объясняет её волнением, усталостью, плохим днём. Ты объясняешь её

языком — и тем самым превращаешь обычную человеческую заминку в доказательство, которое потом носишь с собой годами.

Проверить это просто. Возьми любой разговор за последнюю неделю, после которого осталось чувство, что тебя не поняли, и задай три вопроса. На каком языке он шёл? Какие ситуации этот язык обычно обслуживал в твоей жизни? Была ли у тебя возможность остановиться и переспросить? В девяти случаях из десяти окажется, что язык был не тот, ситуация была новой, и переспросить ты себе не позволил.

Здесь начинается практика, потому что дальше можно перестать рассуждать о способностях и посмотреть на карту.

Упражнение называется «Карта моих языков», и оно занимает меньше времени, чем разговор о нём. Возьми лист и раздели его на четыре столбца: жизнь, язык, свободно, теряюсь. В первом столбце выпиши десять ситуаций из своей жизни, настоящих, а не выдуманных для примера. Дом и кухня. Счёт в уме. Ругать себя за ошибку. Говорить с врачом. Читать документ до подписи. Просить о помощи. Шутить так, чтобы поняли. Ссориться. Объяснять ребёнку, почему нельзя. Говорить о деньгах.

Во втором столбце напротив каждой строки поставь язык, на котором это реально происходило, — тот, на котором было, а не тот, на котором положено. В третьем отметь строки, где ты чувствуешь себя свободно и не следишь за собой. В четвёртом — те, где ты теряешься, запинаешься, уходишь от темы или потом вспоминаешь нужное слово в лифте.

Когда таблица заполнена, посмотри на неё как на расписание, а не как на приговор. Скорее всего, обнаружится, что языки поделили жизнь по двум признакам: раньше или позже пришёл, с людьми или без людей работает. Язык детства окажется сильным в близости и слабым в учреждениях. Язык школы — наоборот. Язык работы будет уверенно держать форму и плохо выдерживать нежность.

Дальше сделай одну вещь, которая сразу меняет дело. Выбери из четвёртого столбца самую болезненную строку и посмотри, чего именно у этого языка не было в твоей биографии. Не слов — ситуаций. Если ты никогда не говорил на нём о своём теле, то трудность в разговоре с врачом объясняется отсутствием опыта: ты впервые произносишь вслух то, о чём на этом языке молчал.

Последний шаг карты: возьми одну такую ситуацию и в следующий раз попробуй сказать то же самое на другом своём языке. Цель здесь одна — проверить, не окажется ли нужная тебе точность доступнее там, где у тебя больше опыта. Иногда человек годами мучается на языке, который для этой задачи не приспособлен его биографией, и не пробует перенести разговор туда, где у него есть все слова.

И ещё один слой, который стоит увидеть сразу, чтобы потом не удивляться. Карта не постоянна. Она меняется от того, где ты работаешь, с кем живёшь и о чём приходится говорить каждый день, — причём меняется медленно и незаметно, как линия на ладони.

Язык, который десять лет назад был для тебя чужим, может стать рабочим до такой степени, что ты начнёшь на нём думать в очереди; язык, который был единственным, может отступить в область редких звонков и детских воспоминаний. Люди обычно переживают это как потерю, хотя речь идёт о перераспределении: то, что перестало быть нужным каждый день, уходит вглубь, но не исчезает.

И обратное тоже верно — стоит вернуться в среду, где на нём говорят, и слова приходят быстрее, чем ожидал.

Практический вывод из этого один: не оценивай свою карту как окончательную. То, что сегодня в четвёртом столбце, завтра может переехать в третий, если появится повод говорить об этом регулярно. Карта — снимок, а не приговор.

Обезличенный случай, который я держу в голове как пример. Человек приехал ребёнком, вырос, получил работу, где каждый день говорит и пишет на языке новой страны, и на этом

языке он спокойно ведёт совещания. А в поликлинике теряется: не может описать, где болит и как именно, хотя слов этих вроде бы много. Причина оказалась в маршруте: на этом языке он никогда не говорил о теле.

Дома о теле говорили на другом, и весь запас жалоб, оттенков боли и просьб о помощи остался там. Как только он выписал себе пять фраз о боли на языке работы и проговорил их вслух до приёма, разговор перестал быть пыткой — потому что он перенёс маршрут, а не выучил слова.

Обратный случай встречается не реже. Человек свободно говорит о здоровье и о семье на языке детства, но приходит на собеседование и рассыпается, потому что на этом языке он никогда ничего не просил для себя. Правило работает с другой стороны: не тот язык, не та ситуация, и точнее сказать себе «у меня нет опыта просить на этом языке», чем «я плохо знаю язык».

Теперь о том, как говорить об этом с людьми, чтобы карта не превращалась в исповедь. Несколько фраз, которые стоит держать наготове.

— На этом языке мне легче про работу, а про дом я говорю на другом, и мне так удобнее.

— Я теряюсь именно в таких разговорах, поэтому давай я скажу медленно, а ты меня остановишь, если я поеду не туда.

— Мне нужно переспросить, потому что я хочу ответить точно, а не потому, что я не понимаю.

— Я могу сказать это на другом языке, если тебе так будет понятнее, — скажи, как тебе удобнее.

Эти фразы делают одну работу: снимают с разговора оценку и оставляют задачу. Человек напротив перестаёт слышать «он плохо говорит» и начинает слышать «он хочет, чтобы мы поняли друг друга». А это, как правило, правда.

Миф, который придётся оставить здесь, звучит так: «Если бы я действительно знал язык, у меня бы не было таких трудностей». Факт другой: трудности есть у всех, кто живёт на нескольких языках, и у тех, кого считают образцовыми носителями, они тоже есть, просто в других зонах. Разница между людьми в другом: одни знают свою карту и обходят провалы, другие считают каждый провал доказательством собственной неполноценности.

И ещё одно, менее приятное. Карта не оправдание. Из неё не следует, что можно не учить слова и не расширять зоны; из неё следует, что учить нужно адресно. Если ты знаешь, что теряешься в разговоре о документах, следующий шаг — разобрать один конкретный жанр: как выглядит письмо, какие в нём бывают формулировки, что отвечают на какую просьбу. Это скучнее, чем мечтать о свободном владении, и работает быстрее.

Сегодняшнее задание — то самое, без отсрочки. Возьми лист, раздели на четыре столбца и заполни десять строк, пока помнишь свою неделю. Не выбирай правильные ответы и не старайся выглядеть лучше: карта нужна тебе, а не комиссии. В конце обведи одну строку из четвёртого столбца — ту, которую ты хотел бы починить первой, — и напиши рядом, на каком языке ты мог бы сказать то же самое легче. Это и будет твой первый перенос маршрута.

Карта языков нужна не для отчёта, а чтобы увидеть: ты не один человек в трёх языках, а один человек с тремя маршрутами. Пока это лежало в голове, оно казалось характером — то ты такой на работе, то такой дома. На бумаге видно, что это разные дороги, и по каждой можно идти осознанно.

Глава 2. Почему дословный перевод — ложь

Одна и та же просьба, переведённая слово в слово, может прозвучать как приказ, как обида или как угроза, хотя все слова в ней правильные. Человек, который составил её по словарю, обычно уверен, что сделал всё аккуратно: взял точные соответствия, ничего не пропустил, ничего не придумал. Именно поэтому результат оказывается хуже, чем если бы он говорил наугад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.